
РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Круглый стол, июль 2007 г.

Участники круглого стола

Даниил Александрович Александров — кандидат биологических наук, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Ярослав Иванович Кузьминов — кандидат экономических наук, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики.

Виктор Меерович Полтерович — доктор экономических наук, академик Российской академии наук Центральный экономико-математический институт РАН, Российская экономическая школа.

Антон Дмитриевич Суворов — ведущий экономист Центра экономических и финансовых разработок, профессор Российской экономической школы.

Я.И. Кузьминов:

В системе образования университет сформировался как единица, которая непосредственно связана с исследованиями. Чем отличается университет от других элементов системы образования? Тем, что в нем преподают ученые. Если школа, техникум, бизнес-школа могут состоять из преподавателей, которые «транслируют» чужое знание — не в том смысле, что они им не владеют, а в том, что не они являются его создателями, что это знание ими не порождено и ими тут же не оспаривается, — то университет предполагает наличие именно преподавателей-исследователей.

Университет еще с того момента, когда он начал реформироваться В. Гумбольдтом, представлял собой высший уровень профессиональной подготовки. Средневековый же университет — можно назвать его доуниверситетом, преуниверситетом — более соответствовал традиционно устроенному обществу, его основам в области знания (простое воспроизводство знания, его консервация и закрепление). Начало XIX в. стало той точкой перелома, когда высший уровень профессионального знания, профессиональных компетенций, необходимость воспроизводства людей, определяющих и формирующих важные решения, обусловили потребность в тех, кто постоянно обновляет и продуцирует знания. Поэтому со времен гумбольдтовской революции формулировка «исследовательская деятельность в университете» звучит, по большому счету, как тавтология.

Разумеется, роль исследовательской деятельности в университете очень велика. Может ли университет существовать без нее? В 50-е гг. XX в. сам вопрос вызвал бы недоумение: с тем же успехом можно подвергать сомнению, что университет дает именно высшее образование, что в нем должна быть аспирантура и т.д.

Однако события, которые развернулись в последней трети прошлого века и продолжают по сей день, опровергают тезис, с которого мы начали. Сегодня в российской высшей школе только 16% преподавателей реально занимаются исследовательской деятельностью, ведут исследования, выходящие за рамки написания отчетов, методической работы. Это, разумеется, является знаком сильнейшего кризиса, в котором оказалась в результате недофинансирования российская высшая школа. Аналогичные процессы имеют место и в других, даже самых развитых странах, и некоторые университеты просто транслируют чужое знание. В чем состоит проблема? Каким образом сформировалась такая стадия развития университета и что это значит? Значит ли это, что исследовательская деятельность уходит за пределы университета, и если да — то куда? В консалтинговые фирмы и аналитические центры? В федеральные лаборатории? Значит ли это, что университет стал просто определенной стадией социализации, которая в силу масштаба этой задачи не может использовать креативных людей — слишком дорого?

Если мы увидим рост масштаба привлечения людей в университет, мы могли бы найти подтверждение этому тезису, потому что сегодня в самых развитых странах через университеты проходит 40–50% возрастной когорты. В России мы тоже подошли к подобным показателям. Если мы посмотрим на продолжительность образования, мы можем увидеть, что образование в целом ряде секторов растягивается далеко за пределы 21–22 лет. Если речь идет об образовании исследователя, оно включает еще как минимум три года аспирантуры и PhD studies, если об образовании в сфере менеджмента — оно не заканчивается на стадии MBA, все более массовым становится DBA. В целом повсеместно наблюдается тенденция к продлению образования.

Есть и другая линия толкования происходящего, гораздо более тревожная для университета как для структуры. Университет как дом для креативных людей, как место, где они могут «производить себе подобных», как место, где им комфортно работать, где они находят общество себе подобных, еще в середине прошлого века был уникален среди социальных структур. Ни одна крупная социальная структура не имела возможности нанять такое количество креативных людей. Более того, если ты хотел оставаться исследователем, если ты хотел оставаться творцом и при этом ты не был художником или танцором балета, а был, например, физиком или экономистом, информатиком или врачом, за пределами университета ты должен был взаимодействовать со значительно менее креативной сетью, чем в университете. Что происходит сейчас? Сейчас происходит так называемая креативная революция. Масса

фирм, возникших в последнее время, появилась именно на креативной базе, их создали люди креативного труда. Совершенно по-другому организована пирамида труда: университет как дом для креативных работников потерял свою уникальность. В таких условиях проявились многие из тех проблем, с которыми всегда сталкивался университет: патерналистское устройство, диктат старших, медленное продвижение по карьерной лестнице, косность владельцев подразделений, научных школ, которые заняли определенные руководящие позиции.

Результат не заставил себя ждать: люди стали уходить из университетов в другие организации, которые также предъявляют спрос на креативных работников, но при этом обещают гораздо более быструю карьеру, более интенсивную мобильность, чем университет. Это — вторая сторона университетской трагедии.

Наконец, существует и третья сторона, которая на все это накладывается: университеты вышли на рынок. Гумбольдтовский университет ничем не отличался от феодального университета и всегда финансировался королем, а Московский университет (МГУ) — И.В. Сталиным. Университет в классической форме денег не зарабатывал, и поэтому все амбиции его коллектива состояли в том, чтобы отбирать себе подобных. На этапе получения доступа к высшему образованию университет, традиционно сохраняя репутацию, отбирал талантливых. Сейчас он вынужден «отбирать» деньги: очень часто отбор талантливых занимает второе место, иногда им вообще пренебрегают. Университет все больше становится фабрикой, машиной, которая должна сама себя обеспечивать, а такой университет, естественно, идет на те компромиссы, на которые должна идти любая работающая на рынке фирма. Он — по крайней мере некоторая его часть — должен работать с нижним сегментом спроса. Этот сегмент проявляет интерес к знакам образования, к университету как средству социализации. Множество людей приходит в университет, чтобы с его помощью делать карьеру, и в новых условиях они не согласны с тем, чтобы подстраивать свое поведение под младших членов сообщества исследователей и аналитиков. Поэтому появляются учебные заведения, которые называются открытыми университетами, массовыми университетами. Они начинают обслуживать возникшую потребность в высшем образовании как определенной жизненной стадии. Однако было бы неверным утверждать, что такого рода спрос на массовое высшее образование легко порождает нетворческое отношение студента к образованию и стимулирует работников университета на этот спрос отвечать соответствующим предложением: все более успешными становятся люди, которые не создают новое знание на глазах у студентов, а успешно его до них доносят. Таковы три составных элемента университетской трагедии, которые стоит обсудить.

В.М. Полтерович:

Основная цель университета, на мой взгляд, состоит в том, чтобы генерировать и передавать знания. Речь идет в первую оче-

редь о фундаментальных знаниях. Этим исследовательский университет отличается от других институтов, в которых происходит генерация знаний, в частности от бизнеса и крупных фирм. Сейчас во многих из них есть исследовательские лаборатории и отделы, они также генерируют знания. Роль университета состоит в том, чтобы генерировать и передавать фундаментальные знания — знания, которые не имеют коммерческой ценности. Если мы понимаем роль и значение университета таким образом, мы сталкиваемся с противоречием, связанным с тем, что университет должен работать в условиях рынка. Экономическая теория подтверждает, что рынок близорук, он не способен генерировать оптимальные долгосрочные траектории. В то же время фундаментальные знания по определению имеют именно долгосрочную ценность, их краткосрочная ценность часто незначительна. Каким образом это противоречие может быть разрешено? Оно разрешается именно в рамках университета, потому что университет подразумевает синтез исследовательской и образовательной деятельности, и образовательная деятельность должна финансировать исследовательскую деятельность.

По моему мнению, тот факт, что происходит вырождение университета, отход от его основных задач, не является очевидным. Если взять, скажем, американскую систему образования, в 50 лучших университетах занятие исследовательской деятельностью является для профессора необходимым условием карьерного роста. При этом финансирование происходит за счет образования, а не за счет исследовательской деятельности, поэтому исследователи обретают свободу. Основная оценка преподавателя в Гарварде и MIT — где и как он публикуется, каково его реноме в научном сообществе. Если преподаватель успешен в исследовательской деятельности, его профессиональная карьера также успешна. На уровне получения «полного профессора» эти критерии сохраняют свою значимость. Если мы рассмотрим американские университеты более низкого уровня, многие их преподаватели не публикуются, хотя университетское начальство не перестает заботиться о том, чтобы преподаватели делали это. Там во многих университетах происходит обмен между исследовательской деятельностью и преподавательской. Например, если в текущем году вышли в свет достойные публикации преподавателя, он освобождается от части своей преподавательской нагрузки. Это определенный способ поощрения в университетах, не входящих в топ-50.

Очевидно, что любой университет как институт хотел бы, чтобы его преподаватели занимались исследовательской деятельностью. Почему? По той причине, что это — единственный способ хорошо преподавать. Дело даже не в том, чтобы развивать знание, что само по себе очень важно для общества в целом. Университет заботится о том, чтобы привлекать студентов, чтобы уровень образования был высоким. Только человек, который сам что-то делает в определенной области, способен преподнести студентам совре-

менную науку, соответствующий реалиям времени уровень знаний. В западных университетах студенты это чувствуют. Например, что характерно для пожилых пожизненных (*tenure*) профессоров, которых не могут уволить и которые не являются очень успешными? У них нет PhD-студентов, студенты к ним не идут. Это типичный признак того, что профессор — даже, возможно, известный в прошлом исследователь — перестал заниматься исследованиями. На мой взгляд, в этом состоит фундаментальное противоречие общества знаний: нехватка креативных людей, способных и желающих проводить исследования.

Что такое прикладное исследование? Куда знание прикладывается и кем? На самом деле вопрос очень нетривиальный. Что означает, скажем, для алгебраиста приложение? Кто-то скажет, что у абстрактных теорий не может быть приложения. По моему мнению, это не так. Для любого теоретика приложением является использование его результатов вне его собственной референтной группы. Если это абстрактная алгебраическая теория, она может применяться в функциональном анализе. Мы, таким образом, наблюдаем иерархию знания: есть абсолютно абстрактное знание и есть дерево или более сложный граф, где от шага к шагу уровень конкретности возрастает вплоть до непосредственных приложений. Важно, чтобы эти ступеньки были небольшими и чтобы все они были заполнены. Советская система знаний и российская система знаний отличаются от западной тем, что здесь имеется большой разрыв между ступенями. В России существует великая, очень сильная математика, были очень интересные открытия на инженерном уровне, но не было людей, которые бы транслировали эти знания на прикладной уровень. Из-за этого разрыва страдает и само знание, и экономика.

Кто такой исследователь в общественно-социальных науках? Наблюдатель, созерцатель, консультант, управленец? На мой взгляд, исследователь — не консультант, не управленец, не наблюдатель. Он исследователь. Он обнаруживает новое. Исследователь в социальных науках, в математике, физике, химии, возможно, не одно и то же. Если говорить об экономике, то в конце 1950-х — начале 1960-х гг. была выдвинута программа построения экономической науки по образцу точных наук, но разные люди относились к этому по-разному. Впервые была построена модель всеобщего равновесия — модель Эрроу — Дебрэ, и казалось, что это и есть основа, на которой можно понять экономическую реальность. У нас есть описание рынка, можно модифицировать модель, можно встраивать в нее правительство, можно встроить и банк, и вообще все что угодно — и получать ответ на вопрос «А что будет, если..?» Если изменится какой-то параметр, функция полезности и т.д. Что произойдет? Казалось, что это возможно, но после многих попыток выяснилось, что это не так. Был доказан целый ряд теорем, что подтвердило, что такая программа нереализуема. Сейчас возникла другая парадигма, другой стандарт. Экономисты во

многих случаях не стремятся к общности. Модель равновесия Эрроу — Дебрэ отличалась тем, что была общей: в ней были модели полезности, технология была общая. Сейчас же в большинстве работ, даже самых продвинутых, авторы отходят от этой общности. Например, они сразу постулируют производственные функции Кобба — Дугласа и получают определенные эффекты, относительно которых они совершенно не уверены, будут ли они действовать в общей системе. Более того, вероятно, легко привести примеры, когда эти эффекты не будут иметь места.

Темпы изменения экономической действительности оказываются более быстрыми, чем темпы ее изучения, и, видимо, в этом проблема ее исследования. Мы сталкиваемся с этим в очень многих областях. Наиболее яркий пример: мы только начали понимать плановую экономику, а она исчезла.

По моему мнению, социальные науки не являются науками в том смысле, в котором этот термин используется в математике и физике. Это было понято сравнительно недавно, и если говорить о том, изменилось ли понимание исследовательской деятельности в общественных науках, которое существовало 20, 50 лет назад, то оно, видимо, отличается от современного. Все большее количество исследователей признает, что эти исследования именно социальные. В английском языке есть два разных термина, обозначающих точные и социальные науки. Это не одно и то же, и требования, предъявляемые к ним, должны быть разными. Эта идеология до конца не оформилась, и очень важно, как именно следует продвигаться дальше.

Является ли исследовательская деятельность профессией, и надо ли ей обучать, и если обучать, то чему? Есть ли универсальные компетенции? По моему мнению, исследовательская деятельность без указания того, что именно исследуется, — это не профессия. Профессия — это когда можно сказать: исследователь в экономике, исследователь в математике и т.д. Просто исследователь — это способность, талант. Есть люди, способные к исследованию, любящие прикладывать усилия во имя исследования, а есть люди, которым это неинтересно и которые этого делать не могут. Надо ли этому обучать? Здесь нет регулярных методов, методология вычленяется в разных науках. Скажем, эконометрика — это методология эмпирического экономического исследования. В той мере, в которой мы можем это сформулировать, это перестает быть звеном исследования, потому что если мы применяем стандартный метод, то сам факт этого никого не удивляет. Исследование на самом деле остается искусством, и, подобно искусству, обучение ему происходит в непосредственных контактах с учеными.

Можно ли назвать успешные примеры карьеры в современной российской гуманитарной и социальной науке? Здесь вопрос в том, что такое успешная карьера. Существует несколько возможностей. Скажем, человек доволен своей жизнью, ему интересно заниматься тем, чем он занимается. Однако мы этого не можем

выявить, если не проведем опроса. Есть и объективные критерии; скажем, экономист опубликовал свою работу в одном из лучших журналов. Если это молодой человек — это большое достижение. Если взять такие журналы, как *Ekonometrica*, *American Economic Review*, *Journal of Political Economy*, то за всю их историю там публиковались единицы российских и советских ученых, не более пяти-шести. Это мало кому удается.

Если говорить о примерах успешной карьеры, то это зависит еще и от возраста. Есть и еще один аспект: успешная карьера может пониматься как успешная исследовательская карьера или как административная карьера. К сожалению, они часто сосуществуют и не помогают друг другу. В России это очень частый случай: если человек талантлив, его сразу же «бросают» на административную работу, и это, естественно, сказывается на его продуктивности.

Д.А. Александров:

Что такое исследователь в университете, чем отличаются прикладные исследования от неприкладных, что такое прикладное исследование в целом? Я считаю, что всякая наука приложима, потому что если знание неприложимо, оно никому не нужно и его не стоило добывать. Почему люди читают журналы или смотрят электронные базы данных? Они хотят найти что-нибудь такое, что они могли бы применить в своей работе. Если они этого не нашли, они разочарованы.

Существует сложное разделение науки университетской, науки институтской, где нет преподавания, и науки, которая существует в корпорациях. У меня нет ответа на вопрос, чем именно они различаются, но очевидно, что здесь возникает проблема прав интеллектуальной собственности, которая решается по-разному. Существует классическое разделение: есть наука открытая, когда люди публикуют результаты своих исследований в открытой печати и это становится доступным всем общественным благом, и есть наука закрытая, где ничего не публикуется, не патентуется (не обязательно, потому что это сложнее сделать). Университетская наука имеет еще одну особенность: в ней есть открытая наука (большая часть университетской науки открыта), но ее некоторая часть — закрытая, потому что университеты патентуют то, что делают, и на этом зарабатывают.

Существует еще одна особенность университета: преподаватель всегда должен делиться своими знаниями, своими идеями с учениками, которые потом от него уйдут. Такого явления нет ни в институтской, ни в корпоративной науке. В университете все время существует своего рода напряженность, связанная с формированием понимания того, что можно отдать ученику, что он может унести. В ряде случаев это доходит до суда и арестов, как, например, в США в сфере молекулярной биологии: ученики вынесли из лаборатории лабораторные тетради, переходя в другой вуз. При-

шла с обыском полиция, человека отвезли в тюрьму за то, что он унес университетскую собственность. Мы знаем, что в принципе университет ориентирован на то, чтобы отдавать часть знаний, которые выработали преподаватели. В свое время у меня была возможность наблюдать взаимоотношения между университетом и Академией наук — между естественниками МГУ и естественниками Академии наук в разных городах. Реализовывался региональный проект, и университетская профессура все свои первичные данные отдала коллегам из Академии наук. Я спросил: «Вам что-нибудь дали из Академии наук свое?» Мне ответили, что нет, не дали ничего, ни таблички. Я сказал: «Это очень характерно». Мне в ответ: «Они не понимают, что головы у всех разные и то, что они сделают, и то, что сделаю я, будет разным, даже если будет основываться на одних результатах». Было видно, что такое отношение к данным — это отношение, сформированное годами университетской работы, работы, при которой данные все время приходится давать студентам, помогать их осваивать, а потом они с этими знаниями уходят работать в другие институты, в Академию наук и т.д. Мне не известно ни одной достойной работы, посвященной реализации прав интеллектуальной собственности и тому, какие в этой области существуют обмены, хотя бы символические, кроме тривиальных соображений типа «я вкладываю в ученика, а потом это возвращается мне репутацией в сообществе». Понятие «университетский преподаватель» — это кентаврический объект, где есть преподавательская и исследовательская составляющие, что можно специально изучать.

Далее я остановлюсь на том, какие навыки нужны исследователю. Вся наука состоит в том, чтобы найти баланс между тем, что уже известно, и тем, что ты нашел новое, потому что если ты нашел что-то абсолютно новое — это ерунда. Абсолютно нового, не связанного с тем, что уже сделано, нельзя себе вообразить: у нас есть определенные теории, через которые мы видим мир, и мы сразу начинаем с существующей традиции. Самое сложное в науке — это умение ученого балансировать между подтверждением того, что уже известно, и обнаружением нового, между прочитанной литературой и собственным эмпирическим исследованием. Это специфическое явление, потому что существует социологическая амбивалентность: от вас требуют, с одной стороны, нормативности, с другой — следования теории, потому что если вы не используете ту теорию, с которой вы работаете, ваши результаты не являются научными. Конstellляция между разными ментальными моделями, которые существуют у ученых, — достаточно сложная проблема.

Ярослав Иванович сказал о том, что классический университет никогда не зарабатывал денег. На самом деле это не так. Вся история университета — это зарабатывание денег. В истории университетов были очень короткие промежутки, когда они денег не зарабатывали. Это было преимущественно во времена «холодной

войны», когда государство вливало в университеты большие деньги в целях развития фундаментальной науки, которая в свою очередь будет развивать военно-промышленный комплекс. В средние века университеты принадлежали корпорациям студентов, которые на внесенные в корпорацию деньги нанимали преподавателей, т.е. была такая инверсия — не преподаватели искали студентов, а наоборот. Были и спады, университет поднимался и падал, это периодически происходит. Сейчас может казаться, что это особое состояние, а на самом деле это цикл конъюнктуры.

Затем возникли протестантские университеты, это был очень яркий пример рыночной деятельности. В первую очередь речь идет о голландских университетах, которые занимались тем, что обслуживали международный рынок протестантской северной Европы. В них впервые были введены серьезные попечительские советы, членами которых были голландские купцы, которые боролись за ярких преподавателей, переманивали их у других университетов, потому что знали, что яркие преподаватели привлекут больше платежеспособных студентов из других стран. Таким образом возникла Лейденская медицинская школа, потому что в Лейдене синдики перекупили из другого университета великого лектора, который создал там клиническую медицину. Туда стали приезжать самые разные ученые, президент Императорской академии при Петре I был выпускником Лейденского университета, как и его отец, который был врачом Алексея Михайловича. Лейден зарабатывал большие деньги на студентах. Позднее, в XIX в., тем же стали заниматься немецкие университеты, а потом, в начале XX в., — университеты американские.

По моему мнению, динамика науки — ее интенсивное развитие сначала в Англии и Голландии, потом Германии и, наконец, в Америке — последовательно отвечает запросам своего времени. Немецкие университеты начала XX в. уже не могли отвечать запросам Нового времени, тогда пришло время американских университетов, которые были рыночно ориентированы в самых разных отношениях.

На мой взгляд, исследователь в университете, особенно в общественных науках, — явление далеко не новое. С XVIII — начала XIX в. роли, которые исполняет обществовед — ученый, занимающийся общественными науками, — не меняются. Он занимается исследованиями, преподает, является консультантом и экспертом (его к этому постоянно привлекают). При этом он все время является немного антрепренером-предпринимателем, потому что ему нужно организовывать работу своих студентов. Это в явном виде проявлялось в немецких университетах, потому что исследователи стремились создать собственные институты: институт статистики, институт зоологии, институт химии. И для того чтобы это сделать, нужно было уговорить разных людей. Нужно было создать такой институт, построить его, следить за его строительством, что не могло не отвлекать от основной работы. Все знаменитые немецкие

кафедры, немецкие институты построены предпринимателями-учеными, которые тратили на это время, потому что строительство института, его оборудование, добывание приборов окупалось сторицей. Я не хочу сказать, что ничто не меняется, можно стараться изменять и избегать предписанных университетом ролей, но я не знаю ни в современности, ни в истории активных, талантливых, желающих создать свою школу ученых, которые не выполняли бы всех этих функций, потому что вместе они составляют ролевой комплекс. В социологии это называется набором множества ролей, которые образуют статусную позицию университетского ученого.

А.Д. Суворов:

На мой взгляд, стоит сделать важное дополнение к сказанному Виктором Мееровичем о том, почему важно платить ученым за преподавание и давать возможность заниматься исследованиями. Исследовательская деятельность — очень рискованное предприятие: нет никаких гарантий, что удастся добиться результата и даже что та область науки, в которой сейчас проводятся исследования, останется актуальной через 10–20 лет. В этом смысле для организации работы исследователя очень важно, чтобы ему платили за преподавание и давали возможность заниматься исследованиями, снимая с него часть риска.

Альтернативный способ организации работы исследователя — это предоставление ему возможности проведения прикладных и востребованных уже сегодня исследований. Что касается миссии исследовательского университета и университета вообще, то это производство, генерация и распространение знаний. С другой стороны, мне кажется, что для каждого конкретного университета важно точно понимать свою миссию, важно точно понимать, где в большом спектре возможностей производства и генерации знаний находится этот университет и где он себя видит в течение обозримого промежутка времени. Является ли этот университет региональным центром или он стремится стать исследовательским университетом на международном уровне? В какой мере для него важна подготовка специалистов (исследование является инструментом, который позволяет гарантировать качество этой подготовки), и в какой мере он, наоборот, старается расширить границы современной науки? Остается ли при этом преподавание лишь побочной деятельностью?

Почему важно понимать свою миссию? Потому что миссия позволяет координировать ожидания различных участников этого процесса. Например, когда молодой преподаватель думает, хочет ли он поступить на работу в этот университет, он должен хорошо понимать, что ждет его в дальнейшем. Принятие решения о выборе данного университета в качестве места работы — это долгосрочная инвестиция. Если вы проработаете в нем достаточно долго и будете заниматься какими-то конкретными вопросами в усло-

виях недостаточной развитости рынка высшего образования, исследований, у вас будет не так много альтернативных возможностей. Вы окажетесь в определенном смысле «заперты» в этом положении. Поэтому важно на начальной стадии понимать, что вас ждет на этом пути.

Что такое прикладное исследование? Это действительно прикладное знание, знание, которое может быть приложено. Полезно было бы добавить следующее: часто различие между фундаментальной и прикладной наукой бывает понятно, и различие это возникает, когда в момент осуществления исследований они либо уже ориентированы на конкретное приложение, либо идут «в стол» в расчете на то, что через 50 или 500 лет эти знания будут востребованы. Эта разница достаточно существенна. В математике разграничение между чистой и прикладной математикой достаточно очевидно. При этом чистая математика приложима к каким-то вопросам в самой математике, внутри нее. Когда исследование проводится, не всегда понятно, какими могут быть приложения. Очень абстрактная алгебраическая геометрия нашла приложение в теории кодирования, хотя когда результаты в алгебраической геометрии достигались, это приложение было совершенно неочевидным, и таких примеров масса.

Стоит сказать несколько слов об академии и частном секторе. Действительно, в последнее время грань между частным сектором и академией становится размытой, многие компании предоставляют своим специалистам возможность проводить самостоятельные исследования, иногда публиковаться в открытых изданиях. Часто бывает, что специалисты, которые работают в корпорациях, ездят на конференции и в целом ведут образ жизни, похожий на образ жизни исследователей в университетах. На мой взгляд, существует количественная, а не качественная разница: в академической среде гораздо больше академической свободы.

Роль академической свободы чрезвычайно важна. Во-первых, ученые получают гораздо больше наслаждения от тех исследований, которыми им нравится заниматься, которые им интересны, и таким образом, как им интересно. Однако здесь есть побочный эффект. Исследования, которые привлекают ученого, могут не вести ни к какому практическому результату в обозримом будущем. Часто частная корпорация не может позволить себе обладать большим штатом исследователей, каждый из которых имеет собственный круг исследовательских интересов и занимается самостоятельными поисками, не ориентированными на получение коммерциализируемого результата. Действительно, люди ценят возможность заниматься теми исследованиями, которые они ценят. Существует недавнее исследование Стерна, которое показывает, что исследователи готовы получать и *de facto* получают более низкие зарплаты в тех фирмах, которые предоставляют некоторую свободу либо в возможности публикации результатов, либо в выборе направления исследований.

Другое важное отличие между академией и частным сектором, которое уже не безусловно, — это более высокая степень открытости академической среды. Современные университеты патентуют результаты своих исследований на ранних стадиях. Более того, в США был принят акт, стимулирующий университеты коммерциализировать и патентовать свои исследовательские результаты. С другой стороны, многие исследовательские фирмы генерируют знания, которые свободно распространяются. Существуют коммерческие программные продукты с открытым кодом. Конечно, грань, за которой знаниями делиться уже не стоит, в фирме возникает раньше, чем в университете, но элементы открытости существуют и в частном секторе.

Оба эти фактора — академическая свобода, которая позволяет меньше платить ученому, и открытость, которая стимулируется в академической среде, — означают, что раннюю фазу исследований полезно проводить в академии: это оптимально. Как правило, практическое изобретение возникает после большого числа промежуточных этапов, и в тот момент, когда идея только зарождается, непонятно, получится ли в конце концов результат, который принесет реальную коммерческую прибыль. Кроме того, велик риск. На такой начальной стадии небольшая разница зарплаты исследователя в частном секторе и в университете может стать существенным фактором. Когда велик риск, что открытие ни к чему не приведет, может быть, эффективнее будет позволить ученому заниматься исследованиями так, как он хочет. Конечно, в этом случае повысится риск того, что исследования не приведут к практическому результату, но можно будет сэкономить на зарплате и экспериментах. С другой стороны, когда ясно, что, осуществив целый комплекс исследований, можно получить лекарство, которое принесет миллиардные прибыли, такие исследования полезно проводить целенаправленно, сфокусировавшись на достижении определенного результата, и такие исследования проводятся, как правило, в частных фирмах. Аналогична и ситуация с открытостью. Открытость тоже важнее на начальных стадиях исследования: целесообразно подключить большое число ученых к решению данной проблемы, чтобы опробовать разные варианты ее решения и повысить шансы продвижения в этом направлении. Когда решение задачи становится более или менее техническим, когда результат уже близок, открытость становится менее важным фактором.

Интересно, что академическая среда в значительной степени стимулирует открытость. Есть несколько причин, по которым ученый может захотеть опубликовать результаты, даже промежуточные, своего исследовательского проекта. Во-первых, ему хочется поделиться с людьми тем, что он создал, как поэт может выпустить книгу стихов за свой счет для того, чтобы поделиться результатом творческих успехов. Есть и еще одно соображение: если исследователь добился каких-то успехов, он может в определенный момент продолжить ту линию исследования, которую он начал. Если

он сможет привлечь к данному исследованию большое число коллег, то тогда увеличиваются шансы, что он сможет успешно работать в этой отрасли в течение некоторого времени, ему будет интересно, он сможет получать некоторый продуктивный результат. Здесь снова речь идет о некоторой страховке от того, что исследования зайдут в тупик и там останутся.

Наконец, в современной академической среде существуют внешние стимулы к тому, чтобы ученые делились результатами своего труда. Возьмем хорошо развитую американскую систему *tenure-track*, которая до некоторой степени реализована и в европейских университетах. Для того чтобы получить постоянную позицию, ученый должен иметь достаточное число публикаций в известных, качественных и цитируемых журналах. Этот внешний стимул действительно гарантирует, что в академической среде активность будет достаточно высокой.

Я.И. Кузьминов:

В первую очередь я хотел бы остановиться на выдвинутой Виктором Мееровичем гипотезе относительно вульгаризации университетов. Самое простое, что мы можем и должны были бы предположить, — что рост креативной экономики вызвал буквально экспоненциально растущий спрос на работников креативного класса. Такого рода спрос в ряде секторов обладает высокой платежеспособностью. Эта тенденция привела к «обезлюживанию» мест, где креативный класс раньше был сосредоточен, — университетов, системы НИИ, специальных аналитических агентств при правительстве в целом ряде стран. Почему люди оттуда ушли? В силу жесткости контрактов, сформированных в этих институтах, они не смогли быстро адаптироваться и не смогли соперничать с новыми секторами, очень многие люди просто перешли на открывшиеся позиции. Перешли наиболее амбициозные, заняв места лидеров, и стали конкурировать с университетами, уводя оттуда представителей креативного класса. В этом отношении Россия — наиболее яркий пример: здесь люди не только уходили в национальную креативную систему, но и интенсивно эмигрировали. Мы можем и в истории экономик Европы, Америки обнаружить такого рода волны миграции из традиционных в нетрадиционные креативные сектора. Тем не менее гипотеза, выдвинутая В.М. Полтеровичем, представляется мне очень простой и очень благостной. Решение проблемы видится в следующем: постепенно производство креативного класса расширится и все войдет в норму. В какой степени мы можем ориентироваться в своих решениях только на этот простой ответ, мне представляется не вопросом для обсуждения, а попыткой уловить в рамках реальных количественных потоков ту гипотезу, которую Виктор Меерович сформулировал.

Даниил Александрович Александров очень интересно для меня, как экономиста, оспорил утверждение о выходе университетов на рынок как о некой инновации. Действительно, нужно уточнить мою

позицию. Разумеется, университет всегда — и в средние века, и в XIX в. — продавал свои услуги и должен был получать ресурсы и прилагать определенные усилия для этого. Однако он практически никогда не находился в такой слабой рыночной позиции, как в конце XX в. Он никогда не был тем, кого называют *price-taker*, он никогда не был вынужден адаптироваться к чужому представлению о том, чем он, университет, должен заниматься. Мне представляется, что, когда успешные руководители немецких или американских университетов собирали деньги — а этот рынок такой же рынок, как рынок фандрайзинга, — они были в сильной рыночной позиции и даже не думали о том, чтобы исказить то, ради чего они уговаривают людей дать деньги. В этом отношении удивляет цинизм, с которым общество относится к университету и университетскому образованию сегодня: попытка максимально занижить вклады со стороны семей, которые, с одной стороны, предъявляют максимальный спрос на услуги университета, а с другой — стремятся платить как можно меньше и прилагать как можно меньше усилий. Это новая ситуация, которая, вполне возможно, была в истории, но не имела столь массового характера.

Перед нами как перед исследователями, в том числе исследователями университетов, стоит и следующая задача: понять то, что происходит в массовых университетах, в университетах, которые готовят 90% работоспособного креативного класса России или, как минимум, класса, который претендует на то, чтобы быть креативным. В этом отношении ситуация гораздо более опасная, поскольку никаких попыток вовлечь студентов в критику и представление нового знания не предпринимается. Даже те университеты, которые готовят студентов согласно сохранившемуся набору профессиональных компетенций, предпочитают делать это по учебникам, а не по научным работам. Поэтому возникает серьезный вопрос и большой риск для национальной экономики России: мы ожидаем инновационного взрыва, а наши университеты готовят людей, которые никогда не встречались с инновациями в процессе своего обучения. Чем университет отличается от техникума? Техникум тоже готовит человека с высокими профессиональными компетенциями, но он готовит профессионального исполнителя, который может быть адаптирован к исполнению других функций, но для этого он должен быть кем-то переучен. Поэтому я постараюсь далее учитывать этот несколько более широкий контекст.

Первое — это наличие формальной миссии у исследовательского университета в том виде, в котором она существует в российском обществе. Во-первых, в российском обществе не существует формальной миссии исследовательского университета. Все попытки объяснить руководству страны, что есть группа университетов с нерастраченным научным потенциалом, который нужно поддерживать, чтобы они могли существовать как исследовательские университеты, пока успеха не имели. Все конкурсы, которые проводило руководство, назывались не конкурсами исследователь-

ских университетов, а конкурсами инновационных проектов университетов. При этом инновация понималась скорее как развитие региональных производственных кластеров, т.е. университет рассматривался как черный ящик, который производит технологические инновации, доводит их до стадии предопытного производства, где уже находятся заботливо согнанные руководством инвесторы, готовые понуро эти инновации разобрать и внедрять. Ситуация, в общем, кончилась полной профанацией, поскольку эти проекты не включали в себя модификацию базового контракта — основной производительной силы университета, т.е. его преподавателей.

В России ключевая проблема — изуродованный базовый контракт человека, который работает в университете, как и в школе, больнице и пр. Каждый человек, который в принципе помещается в университет, по нашему предположению, человек творческий. Как творческий человек, он должен получать академическую надбавку к своей зарплате. Она состоит в некотором наборе благ, которые отличаются даже от обычных творческих благ. Я бы их характеризовал как блага свободного выбора направления и масштаба своей деятельности — полного самоопределения в процессе труда. Конечно, будут издержки — скучные лекции и семинары, но они не играют определяющей роли при нормально организованной нагрузке. Это отрицается методом организации труда тех людей, которые вынуждены аудиторными часами зарабатывать необходимый доход.

Во-вторых, академическая надбавка состоит и в постоянном подтверждении своего статуса, что является важным психологическим благом: человек является членом широкого академического сообщества. Человек, опубликовавший статью в хорошем журнале, получает постоянное подтверждение своего статуса. Человек, имеющий учеников, которые растут у него на глазах, получает постоянное подтверждение своего статуса, целесообразности своего существования. Подобные профессии есть, но их очень немного. Эта академическая надбавка теоретически должна дополнять то, что дает любой творческий труд, — интерес к процессу труда, увлекательную работу, которая самостимулируется.

Проблема базового контракта очень проста. Из него первоначально была изъята вторая часть материального вознаграждения. Естественно, те люди, которые работали в университетах в конце 1980-х — начале 1990-х гг., перешли туда, где есть и первая, и вторая части, а некоторые перешли туда, где есть только вторая, такие обмены тоже существовали. В университет в массовом порядке — по моему мнению, от трети до половины — пришли люди, которые согласны на меньшее формальное денежное вознаграждение, и часть из этих людей вообще не различает академического вознаграждения. То есть это люди, которые пришли в университет как в место, где зарабатывают, но зарабатывают разными путями. Сейчас мы не обсуждаем проблему коррупции, для нас важ-

но, что это совершенно не тот класс, который может производить инновации, который на это нацелен. В этом отношении позиционирование исследовательских университетов в России есть позиционирование некоторых групп исследователей, которые в них остались. Они, как правило, находятся либо в глухой, либо во враждебной к ним академической среде, ориентированной на минимизацию затрат при получении дохода и на получение в основном доходов рентных. Они находятся в ситуации практического отсутствия средств для поддержания собственной исследовательской деятельности.

Многие университеты могут зарабатывать прикладными исследованиями. Значительная часть аналитических заказов сегодня не имеет отношения к нормальным исследованиям. Для проведения исследований предоставляется масса материалов, но возможность реализовать этот материал отсутствует, потому что заказчику нужен очень быстрый результат в течение нескольких месяцев, что каждый раз приводит к узкой специализации сектора институтов, которые обслуживают эту работу, и полному ее разрыву со студенческой массой и кафедрами. Такая ситуация сложилась и в экономических, и в технических вузах.

Ситуация с заказами частного сектора, к сожалению, еще дальше от реальных академических исследований. В этой ситуации очень сложно подпитывать академическую активность активностью прикладной науки, чего часто не принимают мои коллеги. Мне представляется важным избавиться от «розовых очков», от академического представления, подразумевающего, что у нас есть результаты, которые можно приложить. На такую замечательную форму существования университета не существует спроса. Он должен искать, кого бы могла привлечь его репутация, чтобы получить проект с реальным финансированием. В очень редких случаях нам удается получить заказ на основе реально сформированной концепции развития того или иного сектора.

Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ), например, выступала с реформами, разработанными целиком на собственные деньги, — это крупный университет, обладающий возможностью сосредоточить на этом значительные ресурсы, — с тем чтобы уже потом, завоевав некоторое место на рынке, получать доход, близкий к рентному доходу, первоначальной инвестиции. Подобная возможность есть у немногочисленной группы технических университетов, мне известны три-четыре случая, когда коллеги действовали как ГУ–ВШЭ — с министерствами, с реальными экономическими агентами, с корпорациями, предлагая заранее сформированную инновацию. В условиях крайней нехватки финансовых средств у университетов есть очень немного возможностей исследовать такую стратегию. Нормальный же метод финансирования университетов на сегодняшний день практически ушел в прошлое. Мне представляется, что он ушел в прошлое и в американских университетах, которые имеют другую финансовую ситуацию. Для американ-

ских университетов существует два потока: поток финансирования преподавания и поток финансирования исследований, который идет в рамках заказа. На мой взгляд, в мире практически не осталось примеров, когда университет за преподавание получал суммы, достаточные для того, чтобы обеспечить свободную академическую исследовательскую активность своих преподавателей. Мне кажется, говорить это — ошибка. Если спросить об этом «технарей» или физиков, они бы сказали, что этого не может быть, потому что это слишком дорого. Исследования филологов, вероятно, могут так финансироваться, но не исследования физиков, химиков, инженеров: им необходимы специальные ресурсы, чтобы проводить специальные исследования. Соответственно ситуация с финансированием должна формироваться двумя потоками, о которых упоминалось ранее. Одна из проблем российских университетов заключается в том, что первый поток для них очень слабый, он не рассчитан на финансирование базового контракта, а другой возникает в единичных случаях. Например, грант РФФИ — классический метод финансирования научной активности исследовательской публики — не способен служить базой для реализации серьезных исследований. Поэтому когда мы говорим об исследователе в социальных науках, мы должны принимать во внимание экономическую модель выживания этого исследователя.

На мой взгляд, главной характеристикой сегодняшнего исследователя в общественных науках является его крайняя ангажированность тем или иным прикладным результатом. Только будучи прикрепленным к конкретному прикладному проекту, исследователь может получить необходимые ресурсы и социальное позиционирование для того, чтобы существовать как исследователь. В то же время, если он заранее ангажирован извне прикладными проектами, я думаю, что мы будем иметь дело с большим риском искажения академических установок, морали, беспристрастности при проведении исследований. Результаты наших исследований по региональным университетам показывают, что региональный исследователь — экономист, социолог — вовлечен в определенные местные политические заказы и очень часто выступает с не вполне научными текстами не потому, что он не любит науку, а потому, что он «актуализирован».

Отличается ли наше понимание исследовательской работы от того, что было 30–40 лет назад? Мне кажется, что исследовательская работа в социальных науках стала в гораздо большей степени коллективной. Также возникает межгрупповое разделение труда. Появляются и целые группы работников, которые должны заниматься анализом литературы, потому что поток литературы идет постоянно, и группа работников, специализирующихся на полевых исследованиях с поставленной другими задачей. Как правило, полевые исследования слишком дороги для того, чтобы студент магистратуры или даже аспирант мог провести их для себя, т.е. с самостоятельно выдвинутой гипотезой, будь он экономист, социо-

лог или статистик. Это задает жесткие рамки нового патернализма и ограничение творческого потенциала людей, которые остаются в академии. Таковы, на мой взгляд, некоторые задачи, понимание которых чрезвычайно важно. Разумеется, у нас есть рецепты выхода из сложившейся ситуации как на национальном уровне, так и на уровне отдельного экономического учреждения, но до того, как мы начинаем формулировать эти рецепты, нам необходимо осознать масштаб вызовов, с которыми мы сталкиваемся.

В.М. Полтерович:

На мой взгляд, ситуация еще хуже, чем описал Ярослав Иванович. В России истоки кризиса очень глубоки. Если мы посмотрим на распределение научного знания по странам, мы немедленно увидим, что страны с ВВП на душу населения таким же, какой имеет Россия (а это примерно 28% от уровня Америки), — это страны Латинской Америки, где наука отнюдь не процветает. Если мы признаем доминанту рынка в области науки и функционирования университетов, мы неизбежно придем к уровню латиноамериканской науки, потому что это диктуется рынком. Логика здесь чрезвычайно простая. Фундаментальная наука — это общественное достояние, общественное благо. Для слаборазвитой страны развивать фундаментальную науку — роскошь. Гораздо более эффективно, по крайней мере с точки зрения краткосрочных целей, заниматься прикладными исследованиями. Если мы пойдем по этому пути, университет, наука должны погрузиться в рыночную среду и существовать в соответствии с ней. Так мы неизбежно придем к латиноамериканскому уровню.

Может быть, в этом ничего плохого нет и так и надо? Я на этот вопрос отвечаю отрицательно. Россия как минимум в одном отношении в действительности особая страна, в силу отчасти очевидных, отчасти неочевидных обстоятельств: здесь в советские времена был создан очень высокий уровень фундаментальной науки, не соответствовавший уровню ВВП на душу населения. Когда произошли рыночные реформы, внедрение рынка в эту сферу без разумного государственного вмешательства неизбежно должно было переместить российскую науку на уровень прикладной. Оптимальна ли эта стратегия, ведет ли нас рынок по оптимальной траектории? Дело в том, что сейчас функционирование большого числа ученых — математиков, физиков — неоптимально. Однако стоит задуматься о том, к чему мы придем через 15–20 лет, если страна будет нормально развиваться. Перед нами встанет следующая задача: нам потребуются люди, занимающиеся фундаментальной наукой. Чтобы вырастить новые школы в фундаментальной науке, нам потребуется 30, 40 или даже 50 лет.

Такого рода проблема — существенное несоответствие уровня фундаментальной науки и ВВП на душу населения, бедности страны — возникла впервые в мире. В этой ситуации не существует другого варианта, кроме вмешательства государства. Государство

должно понимать, что рынок не приведет нас к оптимальному решению. Этого понимания нет, и положение дел плачевно именно по этой причине. Мы неизбежно придем к ситуации, когда фундаментальная наука будет чахнуть, и с точки зрения краткосрочных целей это правильно. Действительно, чего ждать? Вероятность серьезных открытий мала, ресурсов недостаточно, их в краткосрочной или даже в среднесрочной перспективе лучше потратить на что-нибудь другое. Нужно слишком глубокое понимание ситуации. Интересно было бы провести такое исследование: показать, что через 20 лет нам потребуется новый уровень фундаментальной науки. Вопрос в том, нужно ли снижать нынешний уровень либо нужно его сохранить, хотя он себя не оправдывает. Это новая задача, которую ни одна из стран до сих пор не решала.

Есть еще одна проблема специфически российская — соотношение академии и университетов. Здесь наблюдается глубокое непонимание не только в среде чиновничества, но и в среде работников высшей школы. На академию часто смотрят как на источник инерции, консервативности. Это совершенно неправильная точка зрения. Если мы посмотрим на действительную роль академии в истории России, она всегда была источником девиантного поведения. Первое правительство Е. Гайдара на 50% вышло из Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ), т.е. это были молодые люди, которые варились в академической среде, там обрели идеи, на мой взгляд, в искаженном виде. В течение 1990-х мы наблюдали и сейчас продолжаем наблюдать другой вид девиантного поведения: многие склонились к коммунистической идеологии, которая лично мне глубоко чужда. Важно, что существует колоссальное разнообразие мнений, которое нужно ценить, потому что многие люди, считающие себя прогрессивными и, может быть, на самом деле являющиеся таковыми, способствовали тому, чтобы академия потеряла независимость, и ничего хорошего в этом нет. Академия — это последняя из крупных организаций, которая действительно была независимой.

Что делать с академической наукой и наукой в университетах? Раньше было однозначно: академическая наука сильнее науки университетов. Сейчас, по моему мнению, это не так. Но где будущее у экономической науки? Мы с коллегой Александром Абрамовичем Фридманом в 1998 г. написали статью о том, что должно быть движение навстречу¹. Университеты, в которых сейчас мало исследований, должны заняться исследованиями в больших масштабах, а академические институты должны заняться образованием, потому что образовательная деятельность — единственный способ для академии обрести независимость. Эта идея многократно появлялась в разных законопроектах, а это, мне кажется, очень важно, потому что надо смотреть на ситуацию в России в комплек-

---

¹ Полтерович В.М., Фридман А.А. Экономическая наука и экономическое образование в России: проблема интеграции // Экономическая наука современной России. 1998. № 2. С. 112–122.

се. У нас есть университеты, есть академические институты, и они должны идти навстречу друг другу.

Еще одно довольно пессимистическое наблюдение состоит в следующем: принято говорить, что в России важно создать инновационную систему. Если мы посмотрим на историю стран, которые находились на том же уровне развития, что и Россия, и которые добивались успеха, мы обнаружим, что для них основным было не генерирование инноваций, а имитация, т.е. заимствование технологий, инноваций, рутин у западных стран. Послевоенная Япония — одна из немногих стран, перешедших из категории развивающихся в категорию развитых. В течение определенного периода времени японцы ничего не создавали, а только имитировали, очень интенсивно покупали технологии, обновляли производственный аппарат. Они вышли на достаточно высокий уровень и начали генерировать инновации. Это очень грустная для научного сообщества новость, потому что если окажется, что нам нужно лишь имитировать, а не создавать новое, у нас нет шансов стать по-настоящему развитой страной, если мы делаем ставку на то, что мы изобретем что-то невероятное. В истории таких примеров не было, и маловероятно, что будут. Необходимо прежде всего обновлять производственный аппарат в традиционных отраслях.

Это кажется очень грустной новостью, потому что непонятно, что делать ученым, если основное направление — имитация. Необходимо обратить особое внимание на очень простую мысль: чтобы грамотно заимствовать, нужно иметь очень сильных специалистов, потому что заимствование в большинстве стран не удается (из слаборазвитых стран развитыми за последние 50 лет стали всего 5–7). Чтобы это сделать, необходимы, помимо прочего, очень высокий уровень человеческого капитала и фундаментальная наука, потому что необходимо понимание того, что происходит, что перспективно, что нужно заимствовать — даже не для того, чтобы изобретать, а для того, чтобы воспринять то новое, что уже есть.